

* * *

Небо бессильное смежило вежды —
Нет больше слез.
Ветер-насилльник срывает одежды
С юных берез.

Русь моя — в землю ушедшие избы,
Замки Москвы.
Как мне судьбу твою дальнюю вызнать
В шуме листвы?!

Станешь ли снова прекрасной царевной
В светлых шелках?
Или как листья, что тронуты тленьем,
Канешь в веках?

* * *

Холодным солнцем ослепленный,
Мир погружается во тьму.
Стена берез, как побеленный
Храм, близкий сердцу моему.

Пожухлые склонились травы
И лед в разбитых колеях.
В глуши космической державы
Таится неизжитый крах.

Иду один в огромном поле —
И только дальний лай собак
В предзримьем дышащем просторе
Отогревает сизый мрак.

* * *

Останусь строчками, останусь песнями...

Николай Колычев

Вновь расцветает Кольский край
Морошковыми кочками.
А где-то рядом Николай
Звенит над тундрой строчками.

Поэтам русским не впервой
При жизни горько маяться.
А после — ветер над сосной
Их словом отзывается.

На неприметном валуне
Светло о Коле вспомню я,
И в сердце отразится мне
Его улыбка скромная.

Немного делаем добра
Мы в этой жизни суетной,
Но все же люди у костра
Нас вспомнят в светлых сумерках.

За то, быть может, что верны
Себе не понарошку мы...
Средь незакатной тишины
Стихи его — морошкой.

* * *

А мне бы стать отшельником на Севере:
ловить форель, молиться в небеса
на тихий свет, сквозь облака просеянный,
и слышать Трифона¹ и братья голоса.

Расчесывать укусы комариные
и, укрепляясь муками Христа,
поститься терпкой горечью рябиновой,
не думая о трудности поста.

¹ Святой преподобный Трифон Печенгский — основатель самого северного в мире Свято-Троицкого Трифонова-Печенгского монастыря

БОРОДИНО

...как наши братья умирали!

М.Ю. Лермонтов

Над Бородинским полем синева.
Торжественное золото по склонам.
И, как и прежде, позади Москва
В предчувствии иных Наполеонов.

О, как могуча наших предков рать!
В дали времен так грозно стяги вьются.
Да, надо так и жить, и умирать,
Чтоб к правнукам преданьями вернуться.

Бесславно отступаем мы давно,
И в глубь страны противника пустили...
Так грянет ли для нас Бородино?!
Так сохраним свои святыни или...

НА ЖГУЧИХ ПОЛЯХ НОВОРОССИИ

1

На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.

Один — славянин ополяченный.
Другой — воин светлой Руси.
В крайнеусобьем охваченной
Пощады теперь не проси.

И вот, черной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними — пропеллеры
Рокочут и мечут огни.

2

Песня ополченца

Эта Горловка —
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.

Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь — все кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждешь меня верно — ты.
Нет, не умерло
в мерзлых сумерках
все, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка —
чаша горькая,
бьется кровь в виски, горяча...

3

По минному полю славяне идут,
По минному полю.
Над ним провода, словно струны, поют
Про лучшую долю.

Повисли останки на тех проводах,
Повисли останки.
Кровавое солнце садится во прах
Под звуки «Славянки».

4

Ольге

Отчего здесь такие горячие звезды?!
Даже могут насквозь твое сердце прожечь.
На студеных ветрах, вышибающих слезы,
здесь так трудно остатки надежды сбечь.

Этот сумрачный гул из-за тьмы терриконов,
словно зыки разбуженных бесов войны.
Но сильней все равно светлых глаз непреклонность
среди разорванной в клочья ночной тишины.

5

*Памяти бойца Новороссии
Андрея Манченко*

О, сколько грохота, и боли,
И недосказанной любви.
В заснеженном донецком поле
Ее по имени зови.

Когда в тебя летят снаряды,
Когда сжимают сердце льды,
Когда друзья, скрывая взгляды,
Молчат под тяжестью беды.

Когда нет сил уже от боли,
И кажется — все было зря.
Когда горит над снежным полем
Твоя последняя заря.

6

ОБРЫВ

Ольге

Мы стояли над обрывом,
а под ним плескалось море,
и сушил горячий ветер
наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море желто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко
в душном мареве ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладет за нас.

7

Война давно здесь стала горьким бытом.
Простым и страшным, как глаза собаки,
что потеряла навсегда хозяев,
но сторожит родное пепелище.

И как осколки, что хранят на память
родители счастливого ребенка,
поскольку был он не убит, а ранен
вот этим раскуроченным железом.

Война вошла в подкорку поколенья,
младого племени, что ждало лучшей доли,

но раз уж так случилось, то любимых
ждут с фронта, как с рискованной работы.

Ночами жены шепчут заклинанья:
«Война — подохни. Выживи, мой милый».

* * *

Колокольня, колокольня,
Сердцу солнечно и больно.
Над разливом волжских вод
Голубая колокольня,
Словно памятник невольный,
С дна речного восстает.

Колокольня, колокольня,
Долго был наш путь окольным,
Да и ныне — маета.
Ты свети нам, колокольня,
Из глубин Руси привольной
Звонкой чайкою креста.

* * *

Остров Измайловский, трепетный рай,
Клены горят, не сгорая.
Если устал от Москвы — отдыхай,
В тихих объятиях рая.

В небо врастает могучий собор
Мудрой Руси допетровской...
«Нет, не прельстит нас затейливый вор
Ложью слацаво-заморской.

Русское наше от нас не уйдет», —
Шепчут, светлея, березы.
Остров Измайловский тихо плывет
Сквозь отшумевшие грозы.

* * *

Вновь баюкает грусть кукушка,
Пробивается юный пушок
У березы на дальней опушке
За развилкой былинных дорог.

Вдохновенные кони заката
Скачут вдаль над волнами холмов.
Вот опять Русь певуче крылата
И не знает своих берегов.